

Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде¹

Аннотация. Статья посвящена определению специально-юридического термина «традиционные российские духовно-нравственные ценности» / «традиционные духовно-нравственные ценности народов России». Актуальность исследования обусловлена его ролью в области правового обеспечения информационной безопасности (как лежащего в основе системы обеспечения соответствующих стратегических национальных приоритетов). Данное междисциплинарное научное исследование осуществляется на пересечении таких юридических наук, как информационное право, криминалистика, теория судебных экспертиз (судебная экспертология) и судебное речеведение.

По результатам исследования делаются выводы о том, что использование категории «нравственность» в нормативных актах вовсе не означает, что допустимо подменять правовое регулирование этическим. Анализ содержания термина «традиционные российские духовно-нравственные ценности» как сложносоставного специально-юридического термина, обобщающего и обозначающего обширную группу правовых понятий, выработка соответствующего перечня и его закрепление в правовых актах должны осуществляться исходя из правовой природы перечисляемых явлений, на основании их комплексной правовой оценки (установления степени соответствия/несоответствия закону, наличия/отсутствия общественной опасности). На основе такого подхода приводится авторское понимание термина «традиционные российские духовно-нравственные ценности» и предлагается их перечень.

Авторами рассмотрен подход, основанный на ранжировании ценностей по степени их общественной значимости и соответствия нормам права, выражающийся в разделении всего множества традиционных российских духовно-нравственных ценностей на так называемое ядро и периферию. Ядерные ценности — наиболее значимые и при этом единые для всего общества, поддерживаемые и стимулируемые

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Галяшина Е. И., Богатырев К. М., 2022

* *Галяшина Елена Игоревна*, доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, и. о. заведующего кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
eigalyashina@gmail.com

** *Богатырев Константин Михайлович*, младший научный сотрудник Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
kbog@rambler.ru

существующей системой права. Вокруг ядра основных ценностей существует пояс второстепенных, то есть отдельных, менее распространенных традиций, ценностей и устоев отдельных социальных групп нашего общества.

Ключевые слова: традиционные ценности; российские ценности; духовно-нравственные ценности; национальная безопасность; информационная безопасность; медиабезопасность; Интернет; информационное право; судебная экспертология; судебное речеведение.

Для цитирования: Галяшина Е. И., Богатырев К. М. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 138–151. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.138-151.

The Concept of «Traditional Russian Spiritual and Moral Values» in the context of Ensuring Media Security on the Internet²

Elena I. Galyashina, Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philology), Professor, Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, Acting Head of the Department of Criminology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
eigalyashina@gmail.com

Konstantin M. Bogatyrev, Junior Researcher, Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kbog@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the definition of the special legal term «traditional Russian spiritual and moral values» / «traditional spiritual and moral values of the peoples of Russia». The relevance of the study is due to its role in the field of legal provision of information security (as the underlying system for ensuring relevant strategic national priorities). This interdisciplinary scientific research is carried out at the intersection of such legal sciences as information law, criminology, theory of forensic examinations (forensic expert science) and judicial speech. According to the results of the study, the authors conclude that the use of the category «morality» in normative acts does not mean at all that it is permissible to substitute ethical legal regulation. The analysis of the content of the term «traditional Russian spiritual and moral values» as a composite special legal term that generalizes and designates an extensive group of legal concepts, the development of an appropriate list and its consolidation in legal acts should be carried out based on the legal nature of the listed phenomena, and based on their comprehensive legal assessment (establishing the degree of compliance / non-compliance with the law, the presence/absence of public danger). Based on this approach, the authors propose their understanding of the term «traditional Russian spiritual and moral values» and list them.

The authors propose an approach based on the ranking of values according to the degree of their social significance and compliance with the norms of law, expressed in the division of the entire set of traditional Russian spiritual and moral values into the so-called core and periphery. Nuclear values are the most significant, at the same time uniform for the whole society, supported, and stimulated by the existing system of law. Around the core of the essential values, there is a belt of secondary, that is, separate, less widespread traditions, values and foundations of individual social groups of our society.

Keywords: traditional values; Russian values; spiritual and moral values; national security; information security; media security; Internet; information law; judicial expertise; judicial speech.

Cite as: Galyashina EI, Bogatyrev KM. Ponyatie «traditsionnye rossiyskie dukhovno-nravstvennye tsennosti» v kontekste obespecheniya mediabezopasnosti v internet-srede [The Concept of «Traditional Russian Spiritual and Moral Values» in the context of Ensuring Media Security on the Internet]. *Lex russica*. 2022;75(10):138-151. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.138-151. (In Russ., abstract in Eng.).

² The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

Введение. Для поддержания правопорядка, защиты прав, свобод и законных интересов личности, общества, государства необходима организация целостной системы информационной безопасности. За последние два года (в период с 2020 по 2022 гг.) в нашем законодательстве и подзаконных актах активно стали использоваться конструкции следующего характера: «традиционные ценности», «традиционные семейные ценности»³, «традиционные российские духовно-нравственные ценности»⁴, «культурные, исторические и духовно-нравственные ценности многонационального народа Российской Федерации»⁵ и т.д. Этими терминами обозначается та самая идейная основа информационной (и, шире — национальной) безопасности.

Важно отметить, что их использование носит отнюдь не декларативный характер; напротив, подразумевается, что за этими понятиями стоит определенное содержание, что у нас в государстве есть четкое и целостное понимание данной категории (поскольку речь при использовании перечисленных выше терминов, по сути, идет об одном и том же концепте), позволяющее нам в том числе эффективно осуществлять правовое регулирование и правоохранительную деятельность. Однако на практике данный концепт всеми понимается по-разному; это можно объяснить как общим характером данного термина, так и различием в подходах к анализу его понимания. Несмотря на предпринимаемые государством попытки юридически формализовать данный концепт и закрепить его единое понимание в нормативном акте (как

в случае проекта Министерства культуры⁶), пока этого так и не было сделано.

Коль скоро данный термин применяется в основных актах, посвященных в том числе обеспечению информационной безопасности как компонента национальной безопасности РФ, для проведения полноценных научных исследований в этой области юридической науки представляется необходимым всё же определить его содержание (или хотя бы выработать однозначный подход к его определению). Авторами ведется работа над концептуальными основами таких частных экспертных теорий, как теория экспертного обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности и теория экспертного обеспечения медиабезопасности в цифровой среде. В рамках этих работ рассматриваемый в статье термин имеет базовое, основополагающее значение, поэтому его комплексное научное исследование с позиций таких юридических наук, как информационное право (в том числе цифровое право), общая теория судебных экспертиз (судебная экспертология) и судебное речеведение, представляется актуальным и (ввиду наличия у исследователей, помимо юридических, специальных лингвистических знаний) практически значимым.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляют всеобщий философский метод познания (позитивистская и постпозитивистская философская методология; в частности, аналитический подход, использующий методы логического и лингвистического анализа) наряду с общенаучными методами

³ П. «в» ст. 114 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237 (первоначальный текст); см. также: Указ Президента РФ от 28.06.2022 № 411 «О Дне семьи, любви и верности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 28.06.2022. № 0001202206280003; распоряжение Правительства РФ от 16.09.2021 № 2580-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2021. № 39. Ст. 6751.

⁴ См.: Федеральный закон от 14.07.2022 № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5228; Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

⁵ См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

⁶ Минкультуры разработало проект указа президента по защите духовно-нравственных ценностей // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/minkult-razrabotal-proekt-po-zashhite-dukhovno-nravstvennykh-cennostey.html> (дата обращения: 16.08.2022); проект указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (по состоянию на 21.01.2022) (подготовлен Минкультуры России, ID проекта 01/03/12-21/00123967) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=80028#iNyWMETyrFR8TIHv2> (дата обращения: 16.08.2022).

(наблюдение, описание, сравнение, обобщение и т.д.), а также частнонаучными методами (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.). Исследование будет проводиться на нормативно-правовом материале (законодательство и подзаконные нормативные акты), а также посредством изучения имеющейся по теме научной литературы.

Поскольку исследование осуществляется в рамках разработки частной экспертной теории обеспечения медиабезопасности в цифровой среде, мы также будем исходить из положений таких юридических наук, как информационное право, общая теория судебных экспертиз (судебная экспертология) и судебное речеведение.

Исследование. Теоретические исследования по разработке перечня традиционных ценностей многонационального народа Российской Федерации, составляющих единую систему и лежащих в основе государственной политики, должны (как нам представляется) осуществляться с позиций юридической науки, а сам концепт таких ценностей следует рассматривать как правовую категорию. Данные тезисы обусловлены характером использования рассмотренных выше терминов (они используются при конструировании нормативных актов), а также их основополагающим характером. В то же время, если мы будем рассматривать традиционные российские духовно-нравственные ценности не как правовую категорию, а как категорию иного рода (например, этическую, культурную и т.д.), то это существенно осложнит (если не сделает невозможным) эффективное и конструктивное осуществление законодательной и правоприменительной, правоохранительной деятельности.

Отличительными чертами языка права, обусловленными спецификой поля его применения, являются краткость, концентрированность, однозначность и доступность для понимания; в силу этого необходимо избегать использования метафор, аллегорий, архаизмов, жаргонизмов, заимствованных иностранных слов, а также любых средств выразительности. Соответственно, юридический язык характеризуется терминологической строгостью, единством и стабильностью используемых терминов, адекватным выражением в терминах воли законодателя, общепризнанностью используемых терминов и юридических понятий и т.д. Всё это необходимо

для того, чтобы исключить возможность интолкования, сделать норму права определенной, ясной, единообразной для применения.

При этом используемые в рамках понятийно-категориального аппарата юридической науки термины также различают по их характеру и сфере употребления⁷. Среди них можно выделить следующие виды:

- *общеупотребительные термины*, которые обозначают принятые в литературном языке категории (например, «жилище», «семья», «жизнь», «родители и дети» и др.);
- *специально-юридические термины*, используемые для обозначения юридических понятий (например «истец», «ответчик», «правонарушение» и т.д.);
- *специальные неюридические термины* или *специально-технические термины* (заимствованные из других наук и областей человеческой деятельности).

Сложно отнести рассматриваемый термин к общеупотребительным, ведь, несмотря на видимую простоту его понимания, его однозначное восприятие в обществе отсутствует; толкование и восприятие содержания данного термина могут существенно отличаться в зависимости от позиции и мировоззрения конкретного индивида. Его также нельзя отнести к специальным неюридическим терминам, поскольку его конструирование было осуществлено в рамках правовой материи, а изучение обозначаемого им содержания с позиций других дисциплин (в первую очередь с точки зрения философии, социологии, культурологии и этики) в силу разнообразности подходов скорее бы усложнило выработку единого подхода к его пониманию.

Следовательно, мы должны и будем рассматривать традиционные российские духовно-нравственные ценности как сложносоставной специально-юридический термин, объединяющий и обобщающий множество других юридических терминов и выступающий по отношению к ним в качестве родового понятия. Заметим, что исследуемая категория является отнюдь не рядовой и носит основополагающий характер в построении правовых норм. В настоящее время вводятся новые правовые составы, связанные с ним и подразумевающие в том числе серьезную юридическую ответственность за действия, противоречащие традиционным российским

⁷ См.: Теория государства и права : учебник для бакалавров / Т. Н. Радько, В. В. Лазарев, Л. А. Морозова. М. : Проспект, 2022. 568 с.

духовно-нравственным ценностям / причиняющие им вред. В связи с этим цена ошибки (которая может быть допущена из-за неопределенности, неоднозначности в понимании данного термина и толковании содержащих его норм права) представляется очень высокой. Подмена же норм права нормами морали с их расплывчатостью формулировок и широтой толкования недопустима, поскольку в таком случае в контексте разбалансированного соотношения деяния и последующей санкции может быть нарушен один из важнейших принципов права — справедливость. Кроме того, будет нарушена и законность; предпочтение норм морали нормам закона, осуждение «не по закону, а по совести» напрямую противоречит положениям ч. 2 ст. 4 Конституции Российской Федерации.

В связи с этим подход к определению термина «традиционные российские духовно-нравственные ценности» / «традиционные духовно-нравственные ценности народов России» должен быть последовательным и подразумевать рассмотрение его в рамках юридической парадигмы с учетом его соотношения с другими юридическими категориями, в контексте принципов права, его ценности. Принцип свободы от оценки⁸, лежащий в фундаменте современного академического подхода к обеспечению объективности научного исследования, в полной мере будет иметь место и в этом исследовании с теми лишь ограничениями, что, проводя исследование в области современного отечественного права, мы не можем не принимать во внимание выраженные в нем базовые принципы и ценности. Коль скоро речь у нас идет о термине, содержащем в себе элемент «ценности», то данное ограничение не представляется нам хоть сколько-то снижающим научную и практическую значимость данной работы.

Безусловно, невозможно изучать правовую материю в отрыве от экстраправовых, неюридических факторов (без учета социальных, куль-

турных, экономических, религиозных и иных реалий, теорий, взглядов и позиций). Кроме того, юриспруденция как наука социальная, в отличие от естественно-научных дисциплин, изучает не мир, данный нам в ощущениях, а право (как особый регулятор общественной жизни, позволяющий преобразовывать социальную реальность и добиваться желаемого результата). То, каков этот желаемый результат, зависит в том числе от базовых мировоззренческих установок, принципов и аксиом, которые также будут первичны по отношению к праву, находясь тем самым вне него. Однако изучение этих принципов, норм и правил является предметом других наук (как уже упомянутых философии и связанной с ней этики, так и других); мы же, осуществляя юридическое исследование и имея дело с правовой материей, ограничимся анализом права и его понятийно-категориального аппарата в контексте обеспечения информационной безопасности. Однозначно определившись с подходом и методологией исследования, установив пределы и ограничения, обусловленные спецификой исследуемого объекта и нашего подхода к его рассмотрению, приступим к изучению имеющихся в научной литературе позиций по исследуемому вопросу.

Общим местом различных исследований, посвященных анализу традиционных российских духовно-нравственных ценностей, является указание на то, что потребность в их формулировании и закреплении на государственном уровне возникает вследствие установленного в ч. 2 ст. 13 Конституции РФ запрета на установление государственной идеологии⁹. Отношение к этому запрету в подавляющем большинстве случаев негативное; он рассматривается как один из факторов «нравственной деградации» и «морального разложения». В качестве основного аргумента в подтверждение этой позиции ученые, как правило, используют апелляцию к очевидности¹⁰ или приводят оценочные сужде-

⁸ Момджян К. Х. Принцип «свободы от оценки» М. Вебера и его роль в социальном познании // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2014. № 3. С. 11–19. EDN SEWJDD ; см. также: Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке. М. : Директ-Медиа, 2010. 108 с.

⁹ См., например: Овчинников А. И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 35–42. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-4. EDN QQZJBP ; Романов А. А. К вопросу о государственной идеологии в контексте поправок к Конституции Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 4 (90). С. 32–39. EDN NWUWLW.

¹⁰ См.: Овчинников А. И. Указ. соч. С. 36 ; Актуализация духовно-нравственных ценностей как путь к здоровью молодежи / Л. В. Удалова, С. Е. Горшкова, В. Ю. Лебедев, Л. Я. Мещерякова // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 5. С. 318. DOI: 10.15643/libartrus-2021.5.3. EDN SVEYLN.

ния о заведомой деструктивности ряда явлений (как, например, эвтаназия, аборт или ювенальная юстиция), позиционируют их в качестве примеров такого морального разложения.

Следует отметить, что, говоря о запрете государственной идеологии, ученые, как правило, умалчивают о содержащемся там же запрете на любые обязательные идеологии. Тем важнее замечание на эту тему А. А. Романова: «Запрет обязательной идеологии обоснован многолетним опытом нашей страны и является достижением демократического пути ее развития. Помимо дискриминации людей по идеологическому принципу, обязательная идеология делает государственную политику негибкой, не способной учитывать изменяющиеся обстановку, возможности, риски, угрозы и т.п. В связи с этим государство с закрепленной обязательной идеологией будет иметь определенные ограничения в своем развитии»¹¹. При этом он отмечает, что «...государство не может существовать без государственной идеологии. Несмотря на положения ч. 2 ст. 13 Конституции РФ, содержание фактической государственной идеологии современной России отражается в ее Основном Законе»¹². Примечательна и позиция А. А. Смирнова, который пишет следующим образом: «...нельзя забывать о том, что в правовом демократическом государстве степень его вмешательства в общественную жизнь, в том числе в духовную сферу, должна быть строго лимитированной. Попытки государственного директивного навязывания взглядов и ценно-

стей, пресечения любого инакомыслия несовместимы с принципами демократического устройства. Эти идеи нашли свое отражение в Конституции Российской Федерации, закрепляющей принципы идеологического и политического плюрализма (ст. 13), свободу мысли, слова и информации, гарантированность свободы массовой информации (ст. 29) и допускающей строго лимитированное ограничение прав и свобод (ст. 55)»¹³.

«Моральное разложение» и «нравственная деградация» часто рассматриваются через призму противопоставления «западных»/«европейских» («либеральных») и российских (традиционных, «консервативных») ценностей. Подобная позиция (подразумевающая этическую, а не правовую, оценку, и анализ с точки зрения морали, а не права), имеющая место даже в исследованиях ученых-юристов, ставит во главу угла не формально-догматический, а аксиологический подход; что, безусловно, может иметь место (для анализа фактических предпосылок нормативно-правового регулирования), однако не будет способствовать разделению норм права и морали, определению традиционных российских духовно-нравственных ценностей как юридического термина. Такое противопоставление (которое можно рассматривать как очередной виток дискуссии «славянофилов» и «западников») широко представлено как в научной литературе¹⁴, так и в общественно-политической публицистике¹⁵. В этом контексте система традиционных российских духовно-

¹¹ Романов А. А. Указ. соч. С. 33.

¹² Романов А. А. Указ. соч. С. 38.

¹³ Смирнов А. А. Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 325–326.

¹⁴ См.: Овчинников А. И. Указ. соч. ; Калинин С. А. Геокультурный подход мировоззренческой исследовательской программы: о проблеме взаимодействия либеральных и традиционных стандартов // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 1. С. 94–124. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-kalinin. EDN KZUQQH ; Седова Л. И. Национальная идентичность: тенденции трансформации // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 69–81. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-69-81. EDN HNMJFG ; Стеценко В. В. Актуальная версия стратегии национальной безопасности РФ в контексте развития просветительской парадигмы во взаимодействии государства и общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 285. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-284-290. EDN IQNBLE ; Гутиева М. А. Понятие свободы в отечественной и европейской традициях // Перспективы развития АПК в современных условиях : материалы 9-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 20–24 апреля 2020 г. Владикавказ : Горский государственный аграрный университет, 2020. С. 491–494. EDN LZYFGN.

¹⁵ Запад видит в России врага, потому что у нее «неправильные» ценности // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20160317/1391628897.html> (дата обращения: 16.08.2022) ; Чем конкретно русские люди отличаются от европейцев // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20150430/1061874906.html> (дата обращения: 16.08.2022).

нравственных ценностей рассматривается как самобытная идеологическая основа, базис для выработки новых общечеловеческих и общекультурных смыслов, как основание сильного суверенного национального государства, противостоящего глобальным мировым тенденциям (имеющим в контексте нашей культуры явно негативный характер).

При этом не следует упускать из виду вопрос соотношения традиционных ценностей и общественного, социального прогресса. Как отмечает А. А. Смирнов, «традиционные ценностные ориентиры и социальные регуляторы объективно отстают от галопирующей динамики развития информационно-технологической сферы»¹⁶. С одной стороны, это означает, что многие объективно полезные нововведения могут встречать яростное сопротивление реакционно (обскурантистски) настроенных слоев общества; с другой стороны, неконтролируемое распространение новых информационно-коммуникационных технологий может серьезно осложнить борьбу с правонарушениями и профилактику их причин. Соответствующая деятельность государственных органов и институтов гражданского общества должна осуществляться с соблюдением таких основополагающих принципов, как законность и справедливость. В связи с этим мы в очередной раз отметим недопустимость смешения нормативно-правового и морально-нравственного регулирования общественных отношений в области информационной безопасности. При этом для большинства перечисленных исследований характерен подход, основывающийся на формализации морали, ее инкорпорировании в правовую материю.

В докладе ОБСЕ на тему «Свобода выражения мнения в Интернете», подготовленном Я. Акденизом, в явном виде описаны предпосылки к использованию категории «традиционные ценности»: «Новые средства передачи информации исторически воспринимаются с недоверием и становятся предметом чрезмерного регулирования, поскольку они вызывают опасения в связи с их возможными пагубными последствиями для общества, безопасности и политических структур власти. <...> “Критерии вреда” остаются разными на территориях разных стран, при этом каждое отдельное госу-

дарство само решает, что считать законным и незаконным на основании различных культурных, моральных, религиозных и исторических признаков и конституционных ценностей. <...> Контент, считающийся вредным и оскорбительным, не всегда является незаконным. Как правило, разница между незаконным и «вредным» контентом заключается в том, что незаконный контент криминализуется национальным законодательством, а «вредный» контент считается некоторыми оскорбительным, предосудительным или нежелательным, но, как правило, не является противозаконным»¹⁷. Во-первых, здесь указываются причины, по которым законодатель видит необходимость в правовом регулировании интернет-среды, во-вторых, указывается на контекстуальность понимания вредности и деструктивности в зависимости от существующих в отдельном обществе и государстве традиций, ценностей и норм; в-третьих, демонстрируется различие категорий «противоправный» и «вредный»/«деструктивный» (первая характеристика указывает на противоречие закону, вторая — на противоречие морали).

Как указано выше, мы проводим исследование в рамках юриспруденции, поэтому изучать вопрос соответствия/несоответствия чего-либо моральным нормам не представляется верным. Вместе с тем анализ традиционных российских духовно-нравственных ценностей как специально-юридического термина подразумевает его соотнесение с корреспондирующими ему юридическими категориями. В таком случае устраняется проблема смешения права и морали как разных регуляторов общественных отношений (второй — менее определенный, более расплывчатый, нежели первый); рассмотрение же аксиологического компонента обеспечения информационной безопасности будет подразумевать установление соответствия/несоответствия определенных общественных отношений (в которых проявляются определенные ценности народов России) существующему законодательству (и, соответственно, закрепленным в нем принципам и ценностям).

Как следует из лингвистического анализа категории «традиционные российские духовно-нравственные ценности», ею обозначается некая совокупность объектов (ценностей), ха-

¹⁶ Смирнов А. А. Указ. соч. С. 41.

¹⁷ Свобода выражения мнения в Интернете. Отчет представителя по вопросам СМИ ОБСЕ Д. Миятовича. ОБСЕ, 2011. С. 5–6, 13.

рактизирующихся перечисленными свойствами (традиционные, российские, духовные, нравственные). Как уже отмечалось, мы рассматриваем исследуемый термин в юридическом ключе; соответственно, характеристика «нравственные» не должна нас сбивать и переводить из плоскости права в плоскость морали. Напротив, данная характеристика подразумевает, что к числу обозначаемых исследуемым термином ценностей будут отнесены те, которые воспринимаются как связанные с нравственностью законодателем (например, по смыслу гл. 25 УК РФ или гл. 6 КоАП РФ). В том же смысле мы должны рассматривать характеристику «духовные» — это не то, что обозначается как «духовное» в обыденной речи (от религиозного до культурного), а то, что относится к духовной сфере в контексте законодательства (например, в контексте Федеральных законов от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹⁸ или от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»¹⁹). Характеристика «российские» свидетельствует об их принципиальной связи с бытием нашего общества и государства. Вопрос же о том, какие ценности являются «традиционными», а какие нет — основной и наиболее дискуссионный. Это обусловлено наименьшей степенью формализованности данного понятия и множества подходов к нему, вытекающих из его природы.

Согласно Большому толковому словарю русского языка²⁰, слово «традиционный» значит «являющийся традицией; основанный на традиции». «Традиция», в свою очередь, понимается как «1) исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы и т.п.; 2) установившийся порядок, неписаный закон в поведении, в быту; обычай, обыкновение; 3) обычная, закрепившаяся норма чего-л.». Как можно отметить, ключевой характеристикой традиции, определяющей традиционность чего-либо, является ее темпоральность — формирование и закрепление со временем, длительный период существования. Полезность традиции, ее ценность для общества подтверждается самим фактом ее существования (в противном случае она бы просто исчезла, не сохранилась, проиг-

рала конкуренцию другим порядкам, правилам и нормам).

Сразу возникает два вопроса. Первый: как мы определяем, что пока является нововведением, а что — уже является традицией (каков временной период существования явления, который позволяет нам судить о нем как о традиционном)? Второй: как мы определяем, сохранилась ли традиция, обладает ли она той же социальной полезностью, что и ранее, или она уже отжила свое и ее следует заменить материей, актуальной для наших реалий? Ответы на эти вопросы с точки зрения юридической науки весьма затруднительны; их изучение лежит скорее в плоскости философии, социологии, культурологии. Вместе с тем определенные подходы (например, основанные на юридической преемственности государств) всё же могут быть применены; однако вопросов в таком случае станет еще больше (являются ли реликты советского прошлого, оставшиеся от семидесятилетнего периода существования СССР, традициями? Если да, то остались ли у нас традиции имперской России, учитывая, что РФ ведет преемство права и государственности не от нее, а от СССР, который с имперским прошлым решительно порывал? Как быть с неправовыми факторами традиционности, такими как религия и культура? и т.д.).

Поэтому (заметив, что данный вопрос нуждается в дополнительном изучении) мы будем рассматривать характеристику «традиционные» в контексте того, что характеризуется подобным образом в нашем обществе (т.е. мы возьмем критерий традиционности исходя из того, как он позиционируется в обыденной речи).

Составление перечней традиционных ценностей, характерных для нашего общества и характеризующих его духовно-нравственную основу (если угодно, их можно обозначать уже ставшим штампом, стилистически затертым термином — «духовные скрепы»), — одна из тех основных задач, которые наше общество пытается решить. Из наиболее наглядных действий по составлению единого перечня традиционных российских духовно-нравственных ценностей можно упомянуть деятельность Всемирного русского народного собора (в 2012 г.)²¹,

¹⁸ СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

¹⁹ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

²⁰ См.: Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

²¹ Овчинников А. И. Указ. соч. С. 40.

Зиновьевского клуба (в 2016 г.)²² и недавнюю инициативу Министерства культуры РФ²³. Во всех случаях перечни ценностей имеют много общего (например, в контексте значения традиционной семьи и неприятия нетрадиционных форм сексуальных отношений; вопросов веры, патриотизма и т.д.), однако первые два характеризуются куда меньшей степенью формализованности (т.к. основываются больше на нормах морали, в том числе религиозной) и являются арбитрными (т.е. зависящими от усмотрения и позиции сформулировавшего их субъекта, что заставляет задуматься о степени их объективности). Следует также отметить, что перечень ценностей — единый для всех и его разделение так же недопустимо, как разделение национальной безопасности РФ на безопасность отдельных наций российского многонационального народа²⁴ (а такие исследования имеют место²⁵).

Говоря же о составлении единого перечня ценностей с позиций юриспруденции, мы должны уделить особое внимание его репрезентативности с учетом плюрализма, имеющего место в нашем обществе. О. Е. Кутафин, исследуя духовную основу российского конституционного государства, неоднократно подчеркивал, что такой основой является идеологическое многообразие, закрепленное как принцип в действующей Конституции 1993 г.; кроме прочего, именно из этого принципа следует запрет на возведение какой-либо одной идеологии в статус государственной или обязательной²⁶. Нельзя допустить того, чтобы права отдельных

социальных групп были существенно нарушены или не учтены (при этом памятуя о том, что мы не можем действовать во благо меньшинства в ущерб большинству); а этих социальных групп в нашей стране великое множество (от различных этносов и религиозных конфессий до представителей различных политических сил), и все имеют свое мировоззрение и систему ценностей. Как справедливо утверждает А. И. Овчинников, «в условиях многонационального государства весьма проблематично рассчитывать на то, что нравственные устои являются общепризнанными на всей территории государства и не представляют собой этические правила поведения отдельных национальностей или профессиональных и социальных групп»²⁷.

Вопрос о том, чтобы при составлении перечня традиционных российских духовно-нравственных ценностей были непротиворечиво и верно учтены традиционные ценности разных народов России, различных социальных групп, составляющих в совокупности российское общество, по-настоящему сложен. Необходимо определиться, как следует поступать в случае выявления различий; чему следует отдать приоритет.

В связи с этим нами предлагается подход, основанный на ранжировании ценностей по степени их общественной значимости и соответствия нормам права. По аналогии с теорией научно-исследовательских программ предлагается разделение всего множества традиционных российских духовно-нравственных ценностей на так называемое «ядро» и периферию.

²² Запад видит в России врага, потому что у нее «неправильные» ценности.

²³ Проект указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

²⁴ Представляется, что данная ошибка возникает вследствие неверного толкования соотношения терминов «многонациональный народ» и «национальная безопасность». Национальная безопасность — это безопасность не отдельных наций в рамках всего народа, а безопасность всего нашего народа (общества) и государства в целом (в контексте Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»). В данном случае многонациональный народ РФ правильнее определять как полиэтническую нацию, т.е. общественно-политическое объединение множества этносов, имеющих одну общую государственность (сформированную государствообразующим народом). Именно о безопасности такой полиэтнической нации (русской нации в контексте Указа Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»), ее государственных институтов и идет речь, когда мы используем термин «национальная безопасность».

²⁵ См., например: Гореликов А. И. Правовое обеспечение национальной безопасности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Теория и практика общественного развития. 2022. № 6 (172). С. 109–112. DOI: 10.24158/tipor.2022.6.16. EDN FEPWLH.

²⁶ См.: Кутафин О. Е. Избранные труды : в 7 т. М. : Проспект, 2011. Т. 7 : Российский конституционализм : монография. С. 367–413.

²⁷ Овчинников А. И. Указ. соч. С. 38–39.

Ядерные ценности — наиболее значимые и при этом единые для всего общества, поддерживаемые и стимулируемые существующей системой права. В отношении них существует описанный в науке традиционный консенсус²⁸, который рассматривается как принципиально возможный и вместе с тем необходимый ввиду существующего в обществе плюрализма (его проявления и вытекающие из них правовые принципы рассмотрены нами выше). Они лежат в основе существующего правопорядка, определяют дух и букву закона; в том числе исходя из них определяется наличие/отсутствие общественной опасности каких-либо действий. Как пишет А. А. Смирнов, «именно в культуре содержатся те базовые ценности и мировоззренческие установки, выработанные в ходе многовекового развития российской нации, которые выступают самым надежным барьером на пути проникновения деструктивных идей, взглядов, установок. В ней же заложены и мощные инструменты защиты своего “культурно-цивилизационного ядра” и противодействия его эрозии и разрушения. <...> Вместе с тем в современном глобальном информационном обществе нормы морали, как и иные социальные нормы, подвержены мощной эрозии. Это обусловлено целым рядом факторов, включая глобализацию, свободный доступ к любой информации, ускорение социальной динамики и др. Поэтому в ряде случаев для обеспечения соблюдения важных нравственных норм используются механизмы юридической ответственности»²⁹.

К числу таких «ядерных» традиционных российских духовно-нравственных ценностей могут быть отнесены следующие (включенные в предложенный Минкультом перечень³⁰, закрепленные в Конституции РФ и охраняемые законодательством):

- жизнь и здоровье;
- права и свободы человека, достоинство личности;
- достойная жизнь и свободное развитие человека;

- равенство (независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств);
- законность;
- справедливость;
- равенство всех форм собственности, их признание и защита; поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности при единстве экономического пространства;
- нравственность, свобода совести, свобода вероисповедания (вкл. положения ст. 67.1 Конституции РФ); светский характер государства;
- историческая память и преемственность поколений; исторически сложившееся государственное единство;
- единство народов России (гражданский мир и согласие);
- российская нация³¹ как носитель суверенитета и единственный источник власти (публичный характер власти);
- семья и дети (поддержка семьи, материнства, отцовства и детства);
- безопасность, благополучие и процветание России.

Следует особо оговорить, по какой причине ряд ценностей, перечисленных в качестве традиционных в проекте указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», выше приведен не был. Речь идет о созидательном труде, приоритете духовного над материальным, коллективизме, гуманизме и милосердии (остальные ценности в том или ином виде в приведенном выше перечне присутствуют). Нельзя сказать, что эти ценности противоречат нашему перечню; однако вызывает вопросы корректность данных формулировок в контексте их использования как правовых категорий. Созидательный труд, в нашем понимании,

²⁸ Посадский А. В. Дискурс традиционных ценностей в пространстве российского конституционализма // Культурологический журнал. 2021. № 2 (44). DOI: 10.34685/HI.2021.81.46.013. EDN VHGXTV.

²⁹ Смирнов А. А. Указ. соч. С. 224–225.

³⁰ Проект указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

³¹ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

³² См.: Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

полностью охватывается правовой категорией «свобода экономической деятельности»; при этом поддержка конкуренции, имеющая место в нашем государстве, только стимулирует этот созидательный труд (в более широком контексте — любую предпринимательскую деятельность). Формулировки «приоритет духовного над материальным» и «коллективизм» представляются скорее реликтами коммунистической идеологии. Нельзя отрицать значение данных морально-нравственных категорий в нашем обществе (особенно в контексте нашей тысячелетней истории), учитывая сложившееся единство и силу религиозных традиций; но, как нам представляется, эти аспекты также нашли надлежащее (посредством закрепленных в законе правовых категорий) выражение в приведенном выше перечне. Следует отметить, что плюрализм (в том числе в вопросе соотношения «материального» и «духовного»), светскость, принцип отсутствия обязательной / государственной идеологии — выстраданные достижения отечественной правовой науки, имеющие серьезнейшие предпосылки и основания в истории нашего государства и общества. Наконец, гуманизм и милосердие, являющиеся чисто этическими категориями, также надлежащим образом отражены в юридических терминах приведенного перечня и не нуждаются в дополнительном закреплении.

Вокруг ядра основных ценностей существует пояс второстепенных. Это отдельные, менее распространенные традиции, ценности и устои отдельных социальных групп нашего общества. Их соотношение с нормами права также не всегда одинаково; если «ядерные» традиционные ценности закреплены в законе, охраняются и защищаются им, а их проявления полностью соответствуют нормам права, то некоторые второстепенные, периферийные традиционные ценности могут быть как в «серой зоне» нормативно-правового регулирования (закон в отношении них не дает конкретных указаний; они «нейтральны»), так и напрямую противоречить закону и другим, «ядерным» традиционным ценностям. В качестве примера «нейтральных» ценностей можно рассмотреть многоженство (связанное, например, с религиозными представлениями о традиционной семье, характерными для мусульманства); возможность регистрации мно-

жественного одновременного брака отсутствует, однако никаких санкций за фактическое многоженство (в отличие от советских времен, когда существовала предусматривающая уголовную ответственность ст. 235 «Двоеженство или многоженство» Уголовного кодекса РСФСР³²) в действующем отечественном законодательстве не имеется. В качестве примера последней категории можно рассмотреть обычай кровной мести (который в обычном сознании связан с такими моральными ценностями, как честь и достоинство), который напрямую противоречит таким ценностям, как жизнь и здоровье, и криминализован в уголовном законодательстве (мотив кровной мести является квалифицирующим признаком, свидетельствующим о повышенной общественной опасности деяния³³).

В завершение хотелось бы всё же остановиться и на этическом измерении проблемы формирования сложносоставного специально-юридического термина «традиционные российские духовно-нравственные ценности». Право — лишь инструмент социального конструирования желаемой реальности. То, какой она должна быть, определяется исходя из нашей картины мира и наших представлений о должном. Позицию многих авторов, рассматривающих этические предпосылки закрепления данной правовой категории, можно характеризовать следующим образом: существует некая единственно верная (и потому единственно возможная, допустимая) моральная система; все, что противоречит этой системе, является деструктивным. Вследствие этого люди, на самом деле не имеющие четкой непротиворечивой системы этических взглядов и соблюдаемых правил, отвергают все, что не соответствует их представлениям о должном. Однако подобный подход исключает возможность социального прогресса, который приводил бы к качественным изменениям такой моральной системы. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть вопрос новой этики как нравственной системы, основанной не на слепом усвоении и подчинении некой этической системе как единственно верной, а на сознательном, аргументированном принятии/отторжении этических норм и правил и формировании собственной, четкой, осознанной, непротиворечивой системы морально-нравственных координат³⁴.

³³ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³⁴ См.: Тульпе И. А., Смирнов М. Ю. «Новая этика» как социальный диагноз // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6. № 1 (21). С. 30–38. DOI: 10.24833/2541-8831-2022-1-21-30-38. EDN DEOYDO.

Выводы. Идеологическое многообразие, следующее из конституционного запрета на одну обязательную и/или государственную идеологию, подразумевает, что такие ценности могут находить закрепление в нормативных правовых актах, а могут и не формализоваться, оставаясь частью морали как регулятора общественных отношений. При этом использование категории «нравственность» в нормативных актах вовсе не означает, что допустимо подменять правовое регулирование этическим. Важен также метаэтический аспект проблемы, в рамках которого рассматривается вопрос о том, являются ли моральные суждения универсальными или относительными, может ли быть одна единственно правильная этическая позиция, которую следует навязывать остальным силой государственного принуждения; допустимы ли моральный релятивизм и нигилизм как метаэтические позиции.

И всё же, вопрос о мировоззрении людей имеет экзистенциальное значение для любого политического режима, поскольку в том числе от преобладающих в обществе настроений и поддержки народа (легитимности) зависит судьба конкретного конституционного строя. А учитывая новую реальность информационной войны, ведущейся против нашей страны, вопрос об эффективном противодействии информационным угрозам мировоззренческого характера стоит достаточно остро.

Исходя из того места и той роли, которая отводится изучаемому в настоящей работе термину, традиционные российские духовно-нравственные ценности должны рассматриваться исключительно как правовая категория. Сращивание морали и закона имеет негативные последствия, поскольку повышает неопределенность последнего (закон предписывает наказание за нарушение норм морали, имеющих отличные от закона причины возникновения и мотивацию) и в то же время может идти вразрез с этическими позициями части населения.

Анализ содержания термина «традиционные российские духовно-нравственные ценности» как сложно-составного специально-юридического термина, обобщающего и

обозначающего обширную группу правовых понятий, выработка соответствующего перечня и его закрепление в правовых актах должны осуществляться исходя из правовой природы перечисляемых явлений, на основании их комплексной правовой оценки (установления степени соответствия/несоответствия закону, наличия/отсутствия общественной опасности). Помимо прочего, это позволит надлежащим образом формализовать данную область, устранить реально существующие и потенциально возможные нарушения принципов справедливости и законности, учесть позиции всех групп и слоев общества и создать единый непротиворечивый комплекс ценностей, лежащих в основе нашего общества и подлежащих защите, а также всяческому поощрению их проявлений.

Вместе с тем исследования в данном направлении еще далеки от завершения. Представляется необходимым провести фундаментальные научные изыскания по определению юридической сущности традиционных ценностей, самого свойства «традиционности». Нормативно-правовое регулирование, в рамках которого используется данная категория, должно осуществляться с учетом актуальных наработок юридической науки. Возможно, учитывая значимость данного термина, необходимо принять соответствующий закон, который обеспечил бы однозначное понимание данной категории и снял бы любую неопределенность (как это рекомендуется в литературе³⁵). Важно также не избегать дискуссии ввиду возможной резонансности, потенциальной «скандальности» темы и организовать широкую общественную дискуссию с участием представителей всех заинтересованных социальных групп и институтов гражданского общества. Учитывая то, что русский народ является государствообразующим и вместе с тем наиболее секуляризированным, а его язык является государственным языком Российской Федерации (ч. 1 ст. 68 Конституции РФ), следует особо отметить его важную, консолидирующую роль в процессе определения понятия и разработки единого перечня традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

³⁵ См.: Овчинников А. И. Указ. соч. С. 41.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуализация духовно-нравственных ценностей как путь к здоровью молодежи / Л. В. Удалова, С. Е. Горшкова, В. Ю. Лебедев, Л. Я. Мещерякова // Российский гуманитарный журнал. — 2021. — Т. 10. — № 5. — С. 317–329. — DOI: 10.15643/libartrus-2021.5.3. — EDN: SVEYLN.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2000. — 1536 с.
3. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке. — М. : Директ-Медиа, 2010. — 108 с.
4. Гореликов А. И. Правовое обеспечение национальной безопасности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Теория и практика общественного развития. — 2022. — № 6 (172). — С. 109–112. — DOI: 10.24158/tipor.2022.6.16. — EDN: FERWLN.
5. Гутиева М. А. Понятие свободы в отечественной и европейской традициях // Перспективы развития АПК в современных условиях : материалы 9-й Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 20–24 апреля 2020 г. — Владикавказ : Горский государственный аграрный университет, 2020. — С. 491–494. — EDN: LZYFGN.
6. Калинин С. А. Геокультурный подход мировоззренческой исследовательской программы: о проблеме взаимодействия либеральных и традиционных стандартов // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 94–124. — DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-kalinin. — EDN: KZUQQN.
7. Кутафин О. Е. Избранные труды : в 7 т. Т. 7 : Российский конституционализм : монография. — М. : Проспект, 2011. — 544 с.
8. Момджян К. Х. Принцип «свободы от оценки» М. Вебера и его роль в социальном познании // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. — 2014. — № 3. — С. 11–19. — EDN: SEWJDD.
9. Овчинников А. И. Национальная безопасность и традиционные духовно-нравственные ценности: вопросы законодательного обеспечения // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2022. — Т. 9. — № 1. — С. 35–42. — DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-4. — EDN: QQZJBP.
10. Посадский А. В. Дискурс традиционных ценностей в пространстве российского конституционализма // Культурологический журнал. — 2021. — № 2 (44). — DOI: 10.34685/HI.2021.81.46.013. — EDN: VHGXTV.
11. Романов А. А. К вопросу о государственной идеологии в контексте поправок к Конституции Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2020. — № 4 (90). — С. 32–39. — EDN: NWUWLW.
12. Свобода выражения мнения в Интернете : Отчет представителя по вопросам СМИ ОБСЕ Д. Миятовича. — ОБСЕ, 2011. — 35 с.
13. Седова Л. И. Национальная идентичность: тенденции трансформации // Гуманитарный вектор. — 2022. — Т. 17. — № 2. — С. 69–81. — DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-69-81. — EDN: HNMJFG.
14. Смирнов А. А. Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2022. — 444 с.
15. Стеценко В. В. Актуальная версия стратегии национальной безопасности РФ в контексте развития просветительской парадигмы во взаимодействии государства и общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2021. — № 3. — С. 284–290. — DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-284-290. — EDN: IQNBLE.
16. Теория государства и права : учебник для бакалавров / Т. Н. Радько, В. В. Лазарев, Л. А. Морозова. — М. : Проспект, 2022. — 568 с.
17. Тульпе И. А., Смирнов М. Ю. «Новая этика» как социальный диагноз // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6. — № 1 (21). — С. 30–38. — DOI: 10.24833/2541-8831-2022-1-21-30-38. — EDN: DEOYDO.

Материал поступил в редакцию 21 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Udalova LV, Gorshkova SE, Lebedev VYu, Meshcheryakova LYa. Aktualizatsiya dukhovno-nravstvennykh tsennostey kak put k zdorovyu molodezhi [Maintaining spiritual and moral values as a path to healthy youth]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal [The Liberal Arts in Russia]*. 2021;10(5):317-329. DOI: 10.15643/libartrus-2021.5.3. EDN: SVEYLN. (In Russ.).
2. Kuznetsov SA, editor. Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka [The great explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint Publ.; 2000. (In Russ.).

3. Weber M. Smysl «svobody ot otsenki» v sotsiologicheskoy i ekonomicheskoy nauke [The meaning of «freedom from evaluation» in sociological and economic science]. Moscow: Direkt-Media Publ.; 2010. (In Russ.).
4. Gorelikov AI. Pravovoe obespechenie natsionalnoy bezopasnosti korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka [Legal provision of national security of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*. 2022;6(172):109-112. DOI: 10.24158/tipor.2022.6.16. EDN: FEPWLH. (In Russ.).
5. Gutieva MA. Ponyatie svobody v otechestvennoy i evropeyskoy traditsiyakh [The concept of freedom in Russian and European traditions]. In: *Perspektivy razvitiya PK v sovremennykh usloviyakh: materialy 9-y Mezhdunarodnoynauchno-prakticheskoy konferentsii, Vladikavkaz, 20–24 aprelya 2020 g. [Prospects for the development of agriculture in modern conditions: Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Conference, Vladikavkaz, April 20–24, 2020]*. Vladikavkaz: Gorsky State Agrarian University; 2020. Pp. 491–494. EDN: LZYFGN. (In Russ.).
6. Kalinin SA. Geokulturnyy podkhod mirovozzrencheskoy issledovatel'skoy programmy: o probleme vzaimodeystviya liberalnykh i traditsionnykh standartov [Geocultural approach of the worldview research program: The problem of interaction of liberal and traditional standards]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]*. 2020;15(1):94-124. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-1-kalinin. EDN: KZUQQH. (In Russ.).
7. Kutafin OE. Izbrannye trudy: v 7 t. T. 7: Rossiyskiy konstitutsionalizm: monografiya [Selected works. In 7 vols. Vol. 7: Russian constitutionalism: A monograph]. Moscow: Prospekt Publ.; 2011. (In Russ.).
8. Momdzhyan KKh. Printsip «svobody ot otsenki» M. Vebera i ego rol v sotsialnom poznanii [The principle of «freedom from evaluation» by M. Weber and its role in social cognition]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya [Series 7, Philosophy]*. 2014;3:11-19. EDN: SEWJDD. (In Russ.).
9. Ovchinnikov AI. Natsionalnaya bezopasnost i traditsionnye dukhovno-nravstvennye tsennosti: voprosy zakonodatelnogo obespecheniya [National security and traditional spiritual and moral values: Issues of legislative support]. *Vestnik yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federal'nogo universiteta [Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University]*. 2022;9(1):35-42. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-4. EDN: QQZJBP. (In Russ.).
10. Posadskiy AV. Diskurs traditsionnykh tsennostey v prostranstve rossiyskogo konstitutsionalizma [Discourse of traditional values in the space of Russian constitutionalism]. *Kulturologicheskiy zhurnal [Culturological Journal]*. 2021;2(44). DOI: 10.34685/HI.2021.81.46.013. EDN: VHGXTV. (In Russ.).
11. Romanov AA. K voprosu o gosudarstvennoy ideologii v kontekste popravok k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [On the issue of state ideology in the context of amendments to the Constitution of the Russian Federation]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]*. 2020;4(90):32-39. EDN: NWUWLW. (In Russ.).
12. Svoboda vyrazheniya mneniya v Internetе: Otchet predstavatelya po voprosam SMI OBSE D. Miyatovicha [Freedom of expression on the Internet: Report of the OSCE Media Representative D. Mijatovic]. OSCE; 2011. (In Russ.).
13. Sedova LI. Natsionalnaya identichnost: tendentsii transformatsii [National identity: Trends of transformation]. *Gumanitarnyy vektor [Humanitarian Vector]*. 2022;17(2):69-81. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-69-81. EDN: HNMJFG. (In Russ.).
14. Smirnov DA. Formirovanie sistemy pravovogo obespecheniya informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk [Formation of the system of legal support of information and psychological security in the Russian Federation. Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 2022. (In Russ.).
15. Stetsenko VV. Aktualnaya versiya strategii natsionalnoy bezopasnosti RF v kontekste razvitiya prosvetitskoy paradigmy vo vzaimodeystvii gosudarstva i obshchestva [The current version of the National Security Strategy of the Russian Federation in the context of the development of the educational paradigm in the interaction of the state and society]. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski [State and municipal Administration. Scientific notes]*. 2021;3:284-290. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-284-290. EDN: IQNBLE. (In Russ.).
16. Radko TV, Lazarev VV, Morozova LA. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnyy dlya bakalavrov [Theory of State and law: A textbook for bachelor degree students]. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
17. Tulpe IA, Smirnov MYu. «Novaya etika» kak sotsialnyy diaznoz [«New ethics» as a social diagnosis]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kultura [Concept: Philosophy, religion, culture]*. 2022;6(1(21)):30-38. DOI: 10.24833/2541-8831-2022-1-21-30-38. EDN: DEOYDO. (In Russ.).